

И С Т О Р И Я

УДК 94(44).022

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ РУССКИХ ПЕРЕЛОЖЕНИЙ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ» ГВИДО ДЕ КОЛУМНА

© 2010 г.

А.Н. Маслов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

maslovartem@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.10.2010

Рассматривается вопрос об изменении исходных значений широко известного латинского сочинения Гвидо де Колумна (XIII в.) в процессе его адаптации и популяризации среди русских читателей конца XV – XVIII в. Автором сделан вывод о существенных различиях в восприятии «Троянской истории» западноевропейской и русской аудиториями позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Ключевые слова: Гвидо де Колумна, Средние века, историческая литература, кросскультурные связи, переводы.

Вопрос о специфике западных влияний на русскую культуру в период позднего Средневековья и раннего Нового времени трудно решить без обращения к тем различиям в сфере представлений о прошлом, которые столь явно отделяют западную модель культурного развития от древнерусской. Весьма интересным в этом плане оказывается мощный пласт средневековых литературных текстов псевдоисторической тематики¹, посвященных *античной древности*, легендарному прошлому греков и римлян. В отличие от библейских сказаний, в равной мере формировавших историческую культуру как Запада, так и Древней Руси, данный массив текстов (обладающих, помимо прочего, отчетливо *«светским»* характером) представляет собой уникальный феномен собственно западноевропейской культуры, слабо соотносящийся с относительно немногочисленными до конца XV – начала XVI в. экскурсами в легендарное прошлое Греции и Рима в древнерусской письменности. О ряде сложностей, связанных с освоением данной части историко-литературной традиции Запада в рамках русской книжной культуры, можно судить на основе наблюдений за бытованием в России XVI–XVIII вв. средневековых западных произведений т.н. Троянского цикла² и, в частности, популярной «Троянской истории» (или «Истории разрушения Трои») Гвидо де Колумна [12].

Создававший свою «Историю» в последней трети XIII столетия мессинский судья Гвидо де

Колумна³ опирался на пространный старофранцузский «Роман о Трое», написанный между 1160-м и 1170 гг. Бенуа де Сен-Мором [21] и, в свою очередь, восходящий к двум небольшим позднеантичным текстам, которые традиционно приписывались «участникам» легендарной войны древности – «Диктису Критскому» [22]⁴ и «Дарету Фригийскому» [24]⁵. Если Бенуа де Сен-Мор делал особую ставку на детализированное описание любовных историй, на введение в рассказ всевозможных экзотических и фантастических мотивов, а также на придание образам древних героев неких черт, присущих собственно средневековому рыцарству, то его последователя Гвидо де Колумна повествование о Троянской войне интересовало прежде всего как удобный повод не столько для развлечения, сколько для «вразумления» и «поучения» потенциальной аудитории. Производным такого отношения стало обилие в «Истории» Гвидо различных «резонёрских» и «знаточеских» отступлений, в рамках которых он старался не просто снабдить своих будущих читателей некими общими сведениями по античной поэзии и мифологии, средиземноморской географии или современной для него астрономии, но и предложить их вниманию определенные нравственные уроки, извлекаемые самим автором, – вполне усердно, хотя и не очень умно и последовательно, – из адаптируемого романно-эпического материала. Это стремление к дидак-

тизму и морализации существенным образом отразилось на стиле «Истории», для которой в целом характерно сочетание довольно простого (зачастую – «суховатого») изложения незамысловатой событийной канвы, предложенной некогда французским предшественником, с несколькими напыщенными (изобилующими сложными синтаксическими оборотами, риторическими фигурами и различными тропами) внесюжетными отступлениями. Страсть Гвидо к усложнению структуры того или иного высказывания и к риторическому обрамлению его сути явственно сказалась и на речевой ткани произведения: четкие и понятные диалоги и монологи героев «Романа о Трое» в ходе дипломатических переговоров», военных советов, ассамблей разрастаются у Гвидо де Колумна, как правило, в пространные речи, которые выстроены в соответствии со школьными нормами латинского красноречия, с полагающимся в подобных случаях усложнением синтаксиса и увеличением числа смысловых уровней произносимой каким-нибудь персонажем (либо самим рассказчиком в порыве нравоучительства) фразы. Представляется вероятным, что именно риторизованность повествования и наличие в нем своеобразных моделей красноречия заставили Гвидо указать в Прологе к его «Истории» на особую пользу данного латинского текста для тех, кто «знает словесность» (“in vtilitatem eorum precipue qui gramaticam legunt”) [12, p. 5], а также подчеркнуть в заключительных строках свою заинтересованность в «услаждении образованных» (“ad litteratorum... solacium, vt ueram noticiam habeant presentis hystorie et ut magis delectentur in ipsa”) [12, p. 275]⁶.

Читатели «Истории» Гвидо де Колумна на Западе Европы, по всей видимости, неплохо улавливали обозначенные интенции ее автора и общий пафос рассказа «из любви не только к правде о прошлом, но и к красноречию». При этом они могли совершенно по-разному оценивать велеречивость Гвидо. Так, английский поэт Джон Лидгейт, в начале XV в. составивший на основе «Истории» собственную «Книгу Трои», превозносит «мастера» (т.е. магистра) Гвидо за достойное украшение рассказа о Троянской войне «цветами красноречия»: “And of Columpna Guydo was his name, / Whiche had in writyng passyng excellence. / For he enlvmyneth by crafte & cadence / This noble story with many fresche colour / Of rethorik, and many riche flour / Of eloquence to make it sownde bet...” [26, p. 11]. С другой стороны, некий льежский клирик Жерар, пересказывавший «Историю» в 1373 году, не преминул упрекнуть ее знаменитого автора в

излишней многословности. Он, в частности, писал: «Да позволит мне Бог не заразиться в этом небольшом сочинении выдумками поэтов, уйти от краткости Корнелия (имеется в виду Корнелий Непот, якобы переведший на латынь «Историю» Дарета Фригийского. – А.М.) и избежать многословия (*superfluitatem*) Гвидо» [цит. по: 7, p. 567]. Для нас, однако, важны не столько конкретные оценки стилистических экзерсисов Гвидо его отдельными последователями, сколько тот факт, что представленные латинским автором «цветы красноречия» не оставались незамеченными и, в целом, сильно влияли на восприятие «Истории». В данной связи интересно еще и то, что ряд манускриптов с латинским текстом «Истории» содержал в качестве *explicit* замечание переписчиков о ее пользе «для тех, кто занимается посольствами [по поручению] князей и прелатов»⁷, – утверждение весьма двусмысленное в плане «использования опыта прошлого» (ведь всякого рода переговоры и дебаты в рамках легендарной истории Трои, как правило, лишь ухудшали исход событий), но вполне резонное в плане усвоения использованных Гвидо риторических моделей.

Несколько иначе складывалось отношение к сочинению Гвидо де Колумна на Руси. Появившийся здесь в конце XV или начале XVI в. перевод латинского текста «Истории»⁸ (высказывалось предположение о связи данного перевода с деятельностью известного кружка, сформировавшегося вокруг новгородского архиепископа Геннадия [28]) был выполнен в соответствии с бытовавшей в древнерусской письменности традицией «буквального» или «пословного» перевода. Следование данной традиции вкуче, очевидно, с недостаточной опытностью неизвестного нам переводчика имело своим итогом рождение подчас малопонятного «подстрочника», наименьшим изъяном которого была неверная передача сложных грамматических форм или же латинских терминов, использовавшихся для обозначения специфически средневековых явлений⁹, а наибольшим, – по крайней мере, в плане противоречия со сложившейся на Западе репутацией Гвидо и его книги, – утрата смысла тех частей «Истории», которые в соответствии со стилистическими предпочтениями ее автора насыщались фигурами речи либо необычными синтаксическими конструкциями¹⁰. Буквальное воспроизведение содержания и самой структуры высказываний латинского автора (из всех известных нам адаптаций латинского текста «Истории» его древнерусский перевод, вероятно, является наименее индивидуализированным) определенно не способство-

вало трансляции тех особенностей «Истории», которые так явно выделяли ее в глазах самого Гвидо, и лишало его произведение столь дорогих западному читателю этой книги «цветов красноречия». Интерес представляет то обстоятельство, что, – при всей невнятности ряда ключевых для понимания смысла «Истории» Гвидо моментов, – характеризуемый текст т.н. Древнейшей редакции был включен (наряду с переводом «Иудейской войны» Иосифа Флавия) в Хронографическую часть Лицевого летописного свода (ЛЛС) второй половины XVI в.¹¹: очевидно, русских книжников того времени привлекала не столько риторическая составляющая рассказа Гвидо, сколько подробное и доступное изложение событийной канвы, внимание к которому далеко не всегда было движущей силой повествования для самого Гвидо.

Включение почти полного¹² текста т.н. Древнейшей редакции перевода «Троянской истории» в Лицевой летописный свод, являющийся «монументальной исторической энциклопедией» [31, с. 168], может свидетельствовать о восприятии книги Гвидо де Колумна русскими читателями конца XV – XVI в. в качестве вполне достоверного рассказа об одном из наиболее знаменитых военных конфликтов древности. Само по себе такое отношение не было чем-то неожиданным по сравнению с судьбой «Истории» в западной традиции, в рамках которой сочинение Гвидо тоже довольно часто помещалось в тот или иной кодекс, содержащий собственно исторические тексты¹³, или использовалось при составлении всевозможных исторических компиляций¹⁴. Гораздо более значимым в плане усвоения отечественной аудиторией «историографического заряда» книги Гвидо де Колумна стало недостаточное внимание к характерной для западного писателя рефлексии по поводу различных способов повествования о прошлом. Дело в том, что основной «легитимирующей» посылкой латинского автора в ходе «историзации» находившегося в его распоряжении романно-эпического материала было противопоставление «правдивых» сведений о Троянской войне, извлекаемых из безыскусных рассказов ее «участников», и поэтической традиции древности (она представлена для Гвидо такими «великими авторами», как Гомер, Вергилий, Овидий), которая могла исказить «чистую и простую истину истории» уже в силу собственно стихотворной «игры» с ней¹⁵. Такой подход был, кстати, совершенно не свойственен Бенуа де Сен-Мору, предпочитавшему вслед за анонимным автором «Истории» «Дарета Фригийского» уличать во лжи Гомера, но не пы-

тавшемуся озвучить «поэтический» статус последнего [21, V. 1, p. 3–5]: Бенуа попросту следовал «правде» «Дарета», отвергая «неправду» Гомера. Гвидо же отнюдь не настаивал на ложности всех без исключения сведений, предоставленных в распоряжение современных ему читателей великими поэтами прошлого (в Прологе к своей «Истории» [12, p. 4; 19, с. 368] он, напротив, писал о необходимости отделять записанную “in libris gramaticalibus” правду от вымысла), но, тем не менее, постоянно оговаривал связь различного рода сомнительных утверждений с поэтической традицией древности [12, p. 9–10, 12, 16, 26, 33, 65 etc].

Это характерное для западного автора XIII века разделение «исторического» и «поэтического» подхода к рассказу о прошлом навряд ли было в полной мере осознано читателями его книги на Руси. В пользу такого заключения может свидетельствовать уже тот факт, что принципиальный для понимания «историзирующего» пафоса Гвидо текст Пролога к «Истории» полностью сохранился лишь в одной рукописи [31, с. 169] и, по-видимому, не рассматривался древнерусскими книжниками в качестве более-менее важной составляющей повествования о гибели Трои. Интересно здесь и то, что пресловутый буквализм отечественного переводчика «Истории» не распространялся на термины, связанные с поэзией. Латинское *poetae* может передаваться им как «мудрецы» [29, с. 158], но зачастую он использует и совершенно нейтральное определение «некие»¹⁶. Подобное отношение можно объяснить как недостаточной опытностью в чтении латинских текстов вообще, так и смутным представлением русского книжника конца XV – начала XVI в. о содержании поэм античных авторов и даже об их точных названиях: в этом плане интересен пропуск переводчиком дважды приводимого у Гвидо заглавия поэмы Овидия («Метаморфозы») [29, с. 152, 160]. Последнее обстоятельство, по всей видимости, соотносится и с его неважным знанием античной мифологии, проявившемся, к примеру, в превращении богини Юноны в бога «Юнона» [29, с. 160], а Венеры – в бога «Афродита»¹⁷.

Дальнейшая судьба русского перевода «Истории» связывается современными исследователями, главным образом, с появлением в XVII веке его сокращенных версий, которые представлены т.н. Титовской, Погодинской и Овчинниковской редакциями (каждая сохранилась в составе одного списка) и гораздо более распространенной¹⁸ Краткой редакцией¹⁹. Согласно О.В. Творогову, в этой последней редакции

первоначальный текст перевода «Истории» сокращен примерно в три раза: уменьшение объема происходило, в основном, за счет исключения многословных авторских отступлений и «околонаучных» рассуждений Гвидо, а также пропуска многочисленных речей героев, – то есть тех самых моментов, которые в западной традиции придавали сочинению Гвидо де Колумна наибольшую весомость и актуальность. То произведение, которое в XIII столетии возникло как результат своеобразного синтеза романного, историографического, эпического, дидактического, отчасти мифографического начал средневековой западной литературы, на русской почве превратилось в незамысловатую историческую повесть, лишенную всякой энциклопедичности и сколь-либо весомой риторической составляющей, но зато сохранившую описание воинских подвигов и любовных связей. Подобную трансформацию, конечно же, не следует объяснять лишь исходя из допущения о более низкой культуре отечественного читателя по сравнению с культурой западноевропейской. Отчасти необходимость указанных изменений диктовалась качеством первоначального перевода, исполнитель которого не до конца разобрался во всех витиеватостях латинского оригинала, и удаление из русского текста наиболее непонятных частей на деле означало и продление «жизни» этого самого текста в культуре. Кроме того, XVII век явил нам еще одну редакцию перевода труда Гвидо де Колумна, содержание которой в определенной мере искупает «не-понятость» основного пафоса латинской «Истории» русскими читателями. Данная редакция получила название Печатной, поскольку в полном объеме она сохранилась лишь в издании 1709 г. [36] (и в последующих переизданиях), однако, как показал в свое время О.В. Творогов, была составлена не позднее 1672 г. [37]²⁰, скорее всего на основе общего с Овчинниковской редакцией протографа, до наших дней также не дошедшего.

В отличие от текста Овчинниковской редакции, в которой древнейший перевод «Троянской истории» подвергался, главным образом, сокращению, в Печатной редакции присутствует ряд важных дополнений. Наиболее интересными среди них являются описания пышных придворных церемоний (отсутствовавшие в предыдущих русских редакциях, равно как и в латинском оригинале «Истории»)²¹, исполненные духом «вежества» речи героев, а также разбросанные тут и там суждения по поводу царской чести и благородного поведения государей²². Если воспринимать данные аспекты в ка-

честве манифестаций идеи о необходимости «соблюдения приличий» (отождествляемых с воплощением порядка и спокойствия в государстве), то в них довольно легко усмотреть аналогию настроениям латинского автора конца XIII в., чья «История», по мнению некоторых исследователей, в контексте позднесредневековой традиции троянских легенд служила образцом «бюрократизированного» и «клерикального» прочтения темы неоправданной гибели «лучших и благороднейших мужей» древности²³. В указанной связи, пристального внимания заслуживает предположение О.В. Творогова о том, что составитель Печатной редакции мог предаваться «рассуждениям о чести государства и власти, о причинах войн и возможности избежать конфликтов», находясь «под впечатлениями тяжелых событий Смутного времени» [37, с. 67]. Высказанная как будто бы «вскользь», эта догадка обретает дополнительный вес в свете того факта, что и сам Гвидо де Колумна развивал в латинском тексте «Истории» похожие мотивы вскоре после крушения в его родном сицилийском королевстве знаменитого дома Гогенштауфенов, захвата власти на Сицилии и в Южной Италии иноземной – французской – династией и последующего ее изгнания с острова в 1282 году. Вполне возможно, что перипетии опаснейших государственных кризисов недавнего прошлого сходным образом сказались на отношении двух представителей образованной среды в различных частях Европы к значимости «церемониального начала» и «политического этикета» для сохранения власти государей и предотвращения бессмысленной гибели сильных мира сего. Так или иначе, именно текст, легший в основу издания 1709 года, пришелся по вкусу читателям петровской эпохи и следующих за ней десятилетий XVIII века²⁴. Будучи еще раз адаптированным в конце этого столетия неким «студентом философии» Иваном Михайловым [37, с. 71], он печатался вплоть до 1824 года и, став «подлинно народной книгой», в определенной мере отсрочил знакомство образованной публики в России с поэмами Гомера [40, с. 47].

В основу данной публикации положен текст выступления на Летней школе молодых ученых «Vers l'empire. Situations de crise et réponses innovatrices en Moscovie (fin du XVIe-début du XVIIIe siècle) dans un contexte européen» (Париж, сентябрь 2005 г.). Автор выражает свою глубочайшую признательность организаторам этого проекта – А. Береловичу, П.Ю. Уварову и В.Д. Назарову.

Примечания

1. Следует уточнить смысл сочетания «литературные тексты псевдоисторической тематики», используемого в данной публикации. В общем корпусе средневековых западных текстов, посвященных прошлому (не только античному), можно выделить ряд произведений на латинском языке (таких как «История королей Британии» Гальфрида Монмутского, «Жизнь Карла Великого» псевдо-Турпина, «История сражений Александра Великого» архипресвитера Льва и др.), которые, не являясь памятниками собственно исторической мысли, историографии, не сводимы и к сфере «чистой» литературы, но в равной мере могут рассматриваться также в качестве «беллетризованной истории». Основанные сплошь на легендарном, псевдоисторическом (в современном понимании) материале, откровенно фальсифицирующие историю и обнаруживающие «засилье» художественно-повествовательных элементов, эти тексты, тем не менее, не только включены в общий фонд «позитивных» знаний о прошлом, но и нередко представляются своим средневековым читателям наиболее интересными с точки зрения репрезентации этих знаний, а потому постоянно переписываются и служат объектами переводов и переложений. Они не являются «популярными» в смысле востребованности всеми слоями того или иного общества, но скорее «широко распространенными» среди образованных людей в самых различных странах Европы. Язык этих текстов – латынь, – с одной стороны, обеспечивает их циркуляцию в полиэтничном пространстве западной цивилизации, с другой – маркирует принадлежность создаваемых в них образов прошлого к сфере высокой культуры. Вероятно, что именно к таким произведениям можно отнести интересующую нас «Троянскую историю» (иначе – «Историю разрушения Трои») Гвидо де Колумна, латинский текст которой сохранился в составе около 240 манускриптов и которая до конца XV столетия неоднократно переводилась и пересказывалась на «новых» национальных языках.

2. Зарубежные исследования, посвященные этим произведениям, весьма многочисленны, в списке литературы приведены лишь наиболее важные работы [1–9]. Основные вопросы, касающиеся судьбы средневековых легенд Троянского цикла в древнерусской письменности, рассматривались О.В. Твороговым [10] и В.Ф. Хрипковым [11].

3. Сочинения данного писателя неоднократно становились предметом отдельных исследований за рубежом [13–18]. В настоящее время осуществляется перевод латинского текста «Истории» Гвидо де Колумна на русский язык [19–20].

4. См. также русский перевод [23].

5. См. также русский перевод [25].

6. О том, что самого Гвидо де Колумна волновали вопросы, связанные с красотой изложения, свидетельствует и еще один фрагмент в заключительной части «Истории»: «Я расцветил бы эту историю и более изысканным стилем при помощи пышных метафор, ярких красок и беглых переходов, которые

суть украшения речи, но из-за величины произведения испугался, как бы со мной, покуда я влачу изящным стилем сей долгий рассказ, не случилось чего недоброго вследствие бренности людской...» [12, р. 275–276].

7. М.-Р. Юнг говорит о существовании трех манускриптов «Истории» Гвидо (Chartres, BM 426; Bruxelles, BR 3732; Vat.Reg. lat. 765), текст которых заканчивается следующими словами: “Explicit hystoria Troyana que utilis est litteratis personis ac illis qui exercent legaciones principum et prelatorum” [7, р. 566].

8. В наиболее полном виде первоначальный текст данного перевода (т.н. Древнейшая редакция) сохранился в относительно позднем (вт. пол. XVII в.) Уваровском списке [27], который и был использован при подготовке публикации.

9. Так, неоднократно происходит, например, с латинским “miles”, которое в «Истории» Гвидо де Колумна соответствовало французскому “chevalier” («рыцарь»), но в древнерусском переводе подается как «воин».

10. За примерами мы отсылаем к восьмому тому серии «Библиотека литературы Древней Руси» [29, с. 152–193], где была опубликована часть т.н. Древнейшей редакции перевода «Троянской истории» и дан ее параллельный перевод на современный русский язык: показательно, что при подготовке последнего перевода О.В. Творогову пришлось, по его собственным словам, «постоянно обращаться к латинскому оригиналу и на его основе “прояснять” или даже исправлять непонятный текст древнерусского списка» [29, с. 546]. Для большего удобства читателей мы ссылаемся на страницу данного издания, если интересующий нас фрагмент входит в опубликованную О.В. Твороговым часть Древнейшей редакции, в противоположном же случае указываем соответствующий лист рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 525 (1310).

11. Интересно, что, по мнению А.А. Амосова, текст «Истории» Гвидо де Колумна осмыслился составителями ЛЛС все-таки как отдельная книга [30, с. 307–308].

12. О характере сокращений текста, вошедшего в ЛЛС, см. статью О.В. Творогова [31, с. 168–169].

13. В качестве известных нам примеров можно назвать кодексы: 1) Salzburg, Stiftsbibliothek Sankt Peter, a.VII.38 (XV в.); 2) Wien, Österreichische Nationalbibliothek, 3529 (XV в.); 3) London, British Library, Additional 35295 (около 1422 г.); 4) Cambridge, University Library, Dd. 1. 17 (около 1385–1425 гг.); 5) Augsburg, Universitätsbibliothek, Cod. II. 1. 20 190 (1464 г.). Описание манускриптов 1) и 2) размещено на интернет-сайте “Hill Monastic Manuscript Library” (Introduction) [32]. Описание манускрипта 3) см. на сайте Британской библиотеки [33]. Манускрипт 4) описан на сайте “Index of Medieval Manuscripts” [34]. Описание манускрипта 5) см. в издании “Die Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg” [35, S. 320–323].

14. В качестве характерного позднесредневекового примера укажем на включение сокращенного пересказа «Истории» Гвидо в “Excerpta cronica-

rum” (ок. сер. XV в.) Иоганна Платтербергера Младшего и Теодериха Трухзесса [5, S. 97–104, 245–301].

15. Так, в Прологе к «Истории» Гвидо пишет: «Некоторые же авторы, поэтически обыгрывая правду этой истории, всяческими выдумками переодели ее в разукрашенные измышления, так что в отношении написанного ими слушателям казалось, будто не действительные события они запечатали, но скорее сказочные» [12, р. 3–4; 19, с. 365].

16. Там же [29, с. 158, 160] находим «извещение неких» для “narratio poetarum” [12, р. 9], «[по] положению некоему» для “secundum posita poetarum”, «некии» для “poete” [12, р. 10] etc.

17. Как «Афродит» древняя богиня выступает даже в сцене «суда Париса» [27, л. 44]. Под тем же именем она дважды упоминается при перечислении языческих богов [27, л. 68 об–69]. Явные трудности возникают у древнерусского переводчика (и переписчиков?) при передаче имен других богов: так, например, «Изим» вместо «Изида», «Бах» вместо «Вахх» [27, л. 69]. Приводимое у Гвидо библейское “Beelzebub” подано как «Весельфегул» [27, л. 68] и т.д.

18. О.В. Творогов перечисляет 11 списков Краткой редакции [31, с. 175–177], В.Ф. Хрипков пишет о 12 известных списках [11, с. 88].

19. Текст ее в 1972 г. издан О.В. Твороговым по списку РГБ, собр. Ундольского, № 736 [10, с. 14–69].

20. В качестве вероятного составителя данной редакции О.В. Творогов называет Федора (Феодора) Злобина [37, с. 69–71].

21. Довольно типичным является описание встречи Ясона и Геркулеса Этом: «Пришедшим же благородным оетесовым на брег к кораблю греческому. Сам Язон изыде к ним. Они же падше поклонися ему, и от лица царева поздравление благородию его изрекоша честне. Язон же поклонися им, и о здравии благородия царского якоже лепо любочестне вопрошил. Потом же Язон в царском наряде велми украсився, на избранныи свои конь всяде. Тако же и Еркулес в чудном украшении на конь свои убрался. Потом же и инии благороднии и храбрии гречестии лепотне украсившися на кони своя вседше и во уряде чина своего кождо их во след Ясона и Еркулеса благочинно поидоша градом, к палатам дому царева. Людие же начаша гласити во многия трубы и органы и прочия мусикиинския игранья, и дивно бе видети греческое пошествие... Царь Оетес от места своего воста греком во сретение во множестве благородных изыде, и от палат своих на землю сниде, Язон же пришед поклонися царю, и якоже есть благородие его предпочте, такожде царь поклонися ему, и объем целова его любезне достойную честь воздая благородию его. Такожде и Еркулеса достойною честию почте...» [36, с. 20–23].

22. В данном отношении особенно интересно обращение троянского царевича Гелена к своему отцу Приаму, аналогов которого нет в предшествующих редакциях русского перевода «Истории»: «Понеже убо ты, великий царю, истинный и правый царь именуешься, якоже и есть, почто же к толицей неправде благородие свое уклоняеши, и почто злomu сему на-

чинанию не возбраниши, но уже и в дело беззаконие се произвести покушаеши? Кая бо есть правда, или коего благородия дело, ежи восхитати жены чужия, и отводити их во своя отечества, и тем осрамошати свою царскую державу?» [36, с. 101–102].

23. На материале позднесредневековых английских переработок «Истории» к подобному заключению приходит, например, Джеймс Симпсон [38]. Анализ его подхода и критические замечания см. в недавней публикации автора данной статьи [39, с. 442–445].

24. С незначительными изменениями текст издания 1709 г. был перепечатан в 1712 г. в Москве и в 1717 г. в Санкт-Петербурге. Впоследствии он издавался в 1745, 1760, 1765, 1775, 1785 и 1791 гг. (всякий раз в Санкт-Петербурге) [37, с. 71].

Список литературы

1. Gorra E. Testi inediti di storia trojana, preceduti da uno studio sulla leggenda trojana in Italia. Torino: Loescher, 1887. XI, 572 p.
2. Rey A., Solalinde A.G. Ensayo de una bibliografía de las leyendas troyanas en la literatura Española. Bloomington: Indiana University Press, 1942. 104 p.
3. Schneider K. Der «Trojanische Krieg» im späten Mittelalter: deutsche Trojaromane des 15. Jahrhunderts. Berlin: Erich Schmidt, 1968. 110 S.
4. Benson C.D. The History of Troy in Middle English Literature. Woodbridge: Brewer, 1980. 174 p.
5. Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit / Hrsg. von H. Brunner. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1990. 554 S.
6. Fochler P. Fiktion als Historie. Der Trojanische Krieg in der deutschen Literatur des 16. Jahrhunderts. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1990. 248 S.
7. Jung M.-R. La légende de Troie en France au Moyen âge. Basel, Tübingen: Francke, 1996. 662 p.
8. Rigall J.C. La Materia de Troya en las letras romances del siglo XIII hispano. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 1999. 300 p.
9. Faivre d’Arcier L. Histoire et géographie d’un mythe: La circulation des manuscrits du De excidio Troiae de Darès le Phrygien (VIIIe–XVe siècles). Paris: École des chartes, 2006. 540 p.
10. Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков / Подг. текста и ст. О.В. Творогова. Л.: Наука, 1972. 232 с.
11. Хрипков В.Ф. Русские списки и редакции перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна // Труды Отдела древнерусской литературы. 1993. Т. 46. С. 88–97.
12. Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae / Ed. by N.E. Griffin. Cambridge (Mass.): The Medieval Academy of America, 1936. xvi, 294 p.
13. Barth R. Guido de Columna. Inauguraldissertation zur Erlangung der philosophischen Doctorwürde an der Universität Leipzig. Leipzig: Ferber und Seydel, 1877. 40 S.

14. Monaci E. Di Guido delle Colonne trovadore e della sua patria. Roma: Tipografia della R. Accademia dei Lincei, 1892. 12 p.
15. Giovanni V. di. Guido delle Colonne, giudice di Messina e i giudici in Sicilia nei secoli XIII e XIV. Roma: Tipografia della R. Accademia dei Lincei, 1894. 14 p.
16. Torraca F. Il giudice Guido delle Colonne di Messina (la patria, l'uffizio, la famiglia, il cognome) // *Giornale Dantesco*. 1897. V. 5. № 4. P. 145–174. № 6. P. 270–278.
17. Ciaramella R. Guido delle Colonne e la sua *Historia destructionis Troiae*. Catania: Galati, 1904. 80 p.
18. Chiàntera R. Guido delle Colonne, poeta e storico latino del sec. XIII e il problema della lingua della nostra primitiva lirica d'arte. Napoli: Federico & Ardia, 1956. 280 p.
19. Гвидо де Колумна. История разрушения Трои. Пролог / Пред., пер. с лат., комм. А.Н. Маслова // Из истории античного общества: Сб. научных трудов. Вып. 9–10 / Под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 362–370.
20. Гвидо де Колумна. История разрушения Трои. Книга первая / Пер. с лат., комм. А.Н. Маслова // Из истории античного общества: Сб. научных трудов. Вып. 11 / Под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. С. 267–273.
21. Benoît de Sainte-Maure. *Le Roman de Troie*. 6 vol. / Publ. par L. Constans. Paris: Didot, 1904–1912.
22. Dictys Cretensis. *Ephemeridos belli Troiani* / Hrsg. von W. Eisenhut. Leipzig: Teubner, 1973. lii, 152 s.
23. Диктис Критский. Дневник Троянской войны / Подг. В.Н. Ярхо // *Вестник древней истории*. 2002. № 1. С. 239–251. № 2. С. 236–250. № 3. С. 244–251. № 4. С. 239–246. 2003. № 4. С. 247–262.
24. Daretis Phrygii *De excidio Troiae historia* / Hrsg. von F. Meister. Leipzig: Teubner, 1873. I, 68 s.
25. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / Пер. с лат., комм., вступ. ст. А.В. Захаровой, гекзаметр. пер. Д.О. Торшилова. СПб.: Алетей, 1997. 302 с.
26. *Lydgate's Troy book* / Ed. by N. Bergen. Part I. London: Paul, Trench, Trübner & Co., 1906. 350 p.
27. ГИМ, собр. Уварова, № 525 (1310).
28. Геппенер Н.В. К истории перевода повести о Трое Гвидо де Колумна // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 351–360.
29. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2003. 584 с.
30. Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 392 с.
31. Творогов О.В. Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции // В кн.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков / Подг. текста и ст. О.В. Творогова. Л.: Наука, 1972. С. 161–187.
32. http://www.hmml.org/research08/catalogue/search_home.asp (дата обращения: 03.10.10).
33. <http://www.bl.uk/catalogues/manuscripts/DESC000.asp> (дата обращения: 03.10.10).
34. <http://www.usask.ca/cgi-bin/cgiwrap/medieval/medieval.pl?type=search> (дата обращения: 03.10.10).
35. *Die Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg. Erste Reihe: Die Lateinische Handschriften. Bd. 2.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. 480 S.
36. История в ней же пишет о разорении града Трои Фригийского царства и о создании его и о великих ополчительных бранех, како ратовшася царие и князи вселенныя... Напечатана же славенски повелением царского величества в типографии московской Лета Господня 1709-го. [М.,] 1709. 479 с.
37. Творогов О.В. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1971. Т. 26. С. 64–71.
38. Simpson J. *The Other Book of Troy: Guido delle Colonne's Historia destructionis Troiae in Fourteenth- and Fifteenth-Century England* // *Speculum*. 1998. V. 73. № 2. P. 397–423.
39. Маслов А.Н. Легенды прошлого: Троянская война в средневековой западной традиции // В кн.: Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 410–446.
40. Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М.: Индрик, 2001. 400 с.

NOTES ON THE SIGNIFICANCE OF RUSSIAN ADAPTATIONS OF GUIDO DELLE COLONNE'S "HISTORIA TROIANA"

A.N. Maslov

The paper examines the first translation into Russian (probably, in the late fifteenth century) of Guido delle Colonne's well-known "*Historia destructionis Troiae*" (or, "*Historia Troiana*") and some its adaptations, made by Russian literati during the seventeenth and eighteenth centuries. The fact that the Russian public ignored the basic elements of Guido's narration (particularly, its rhetorical, moralistic and didactic components) becomes an important evidence of the differences between Russian and Western bookish traditions.

Keywords: Guido delle Colonne, Middle Ages, legendary tradition, cross-cultural relations, translations.